

18+

ИЗГНАНИЕ ИЗ АДА

Егор
Михнегер

Егор Михнегер

Изгнание из Ада

<https://litres.ru/74257799>

ISBN 9785007061179

Аннотация

Спустившиеся во плоти в Ад волшебники методично отбирают у демонов их владения. Люди хорошо организованы, а владыки демонов действуют разрозненно и подставляют друг друга.

К счастью для демонов в Аду имеется действительно великий правитель, способный сделать из поражения верные выводы и направить своих слуг к победе.

Однако все: и Правитель Ада, и маги — понимают, что главное сражение ещё впереди. Когда в Ад спустится Небесное воинство, расклад сил изменится кардинально...

Содержание

Пролог	5
Часть I. Люди и демоны	19
Глава 1. Осушение Озера Гноя	22
Глава 2. Размер имеет значение	31
Глава 3. Участь бессмертных	42
Глава 4. Предатель предателей	63
Глава 5. В плену света и тьмы	74
Глава 6. Второе нисшествие	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Изгнание из Ада

Егор Михнегер

© Егор Михнегер, 2026

ISBN 978-5-0070-6117-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Примечание автора:

Это третья книга цикла «Мыслящий Свет», причём если две первые части можно было читать независимо друг от друга, то этот роман продолжает обе сюжетные линии.

Пролог

*Здесь мы свободны. Здесь не создал Он
Завидный край; Он не изгонит нас
Из этих мест. Здесь наша власть прочна,
И мне сдаётся, даже в бездне власть —
Достойная награда. Лучшие быть
Владыкой Ада, чем слугою Неба!
Джон Мильтон, «Потерянный Рай»*

Ад, первый слой

За его спиной головы на копьях.

Пять голов, нанизанных на пять копий, прикреплённых, в свою очередь, к широкой мускулистой спине. Одно копьё направлено вертикально вверх, остальные оружия тоже нацелены в небо, но под углом. Два копья с левой стороны симметричны двум копьям с правой стороны. Такая нехитрая, в общем, конструкция.

В этой конструкции не было бы ничего необычного — в Аду отрубленные головы часто служат в качестве своеобразного украшения, — если бы не одно «но». Отрубленные головы подавали уж слишком очевидные признаки жизни. В них не просто теплилось, в них пребывало сознание, которое и не думало угасать. А вот это было действительно странно, поскольку в Аду ясным сознанием могли похвастаться дале-

ко не все обладатели полноценного тела...

Сознание.

Большинство разумных существ отождествляет себя именно с сознанием, а не с абстрактной душой. Пока сознание функционирует должным образом, нам кажется, что мы живы. Когда сознание гаснет, нам кажется, что истинных нас больше нет.

Сознание.

Без привычного сознания нет и привычной нам жизни. Без нашего сознания мы не мы.

Потому-то ради сохранения сознания маги и спустились во плоти в Ад.

Правда, для некоторых из них это закончилось весьма плохо.

Ведь пять нанизанных на копья голов как раз принадлежали спустившимся ранее в Ад волшебникам.

За его спиной головы на копьях...

Именно по этой конструкции все сразу и безошибочно узнавали в нём Сатасфера. Ибо слухи о его присутствии заполнили собой весь слой Ада — так называемый первый слой.

Сам Сатасфер разделение Ада на слои не любил. Оно создавало ощущение каких-то чётких границ, в то время как на самом деле реальность постоянно бурлила. Пласты бы-

тия взаимопроникали друг в друга, различные области пространства менялись местами, и даже так называемые Стены Мрака между так называемым слоями являлись не такими уж стенами.

Ад не был незыблемым, он походил скорее на некий «океан мироздания». На эдакий огромный живой океан, пускай и живой, конечно, по-своему. Поэтому правильнее было бы назвать слои Ада глубиной, а Стены Мрака можно сравнить с раскинутыми в этом самом океане неводами, давным-давно затонувшими на разных глубинах. Протиснуться через сетное полотно подобного «невода» можно: нужно всего лишь распахнуться на тысячи осколков, а затем собрать себя заново...

Однако для живущих не столь долго, как Сатасфер, Ад казался в целом статичным, поэтому разделение на слои было среди его обитателей общепринятым. И все знали, что Сатасфер предпочитает верхним слоям, слои куда более низкие. Ибо там, почти на самом Дне Реальности, его мало кто беспокоит.

За его спиной головы на копьях.

За его спиной прожитые эпохи, за его спиной взлёты и падения, за его спиной тысячи тысяч битв. Не все из сражений он выиграл, но во всех из них ему удалось уцелеть.

Ибо, чтобы стать владыкой Ада, нужно быть не самым сильным, а всего лишь самым живучим. Надо сохранить

свою целостность, в то время как все твои соперники раньше или позже целостность своего сознания потеряют. Так что тактические поражения, ведущие к стратегической победе, важнее, чем победа любой ценой здесь и сейчас, за которую придётся расплачиваться в неотвратимом будущем.

Будущем, которое всегда наступает гораздо раньше, чем кажется. Ведь даже долгие эпохи в конце концов когда-то заканчиваются.

За его спиной головы на копьях.

Эти головы он нанизал на свои легендарные копья сам. Именно древняя магия в копьях сохраняла владельцам бестолковых голов сознание, и те знали об этом. А потому особо не рыпались, боясь порвать эту последнюю ниточку, делавшую их теми, кто они есть.

Для подчинения других нужно так мало. Требуется всего-то-навсего лишить живых существ иного выбора, кроме служения твоим интересам. А какой может быть выбор у тех, чья голова висит на копье?

У несчастных отсутствовала даже иллюзия выбора. Они оставались самими собой лишь до тех пор, пока служили демону, поработившему их.

И совсем скоро им предстояло доказать Сатасферу свою полезность или лишиться сознания, на которое они всю жизнь так молились.

Головам предстояло выполнить волю демона или пере-

стать быть магами. Стать обычными грешниками, которыми и без того полнился Ад.

За его спиной головы на копьях.

Сатасфер отводит назад правую руку и снимает три головы с копий одну за другой. Затем отводит за спину руку левую и снимает оставшиеся две.

Отрубленные головы левитируют вокруг демона, ожидая приказа. Впрочем, они уже знают, каким будет его указание.

Ибо для чего могут понадобиться демону живые головы, кроме как для убийств?

Волшебников, лишившихся тел, подобный расклад ничуть не смущает. Если для сохранения собственной жизни требуется лишить жизни другие создания, что ж, тем хуже для последних. Даже если эти создания — твои собратья и коллеги по волшебному ремеслу.

Ад есть Ад, здесь нет и не может быть места для сантиментов. Либо ты, либо тебя. Впрочем, в мире людей уровнем выше ситуация была примерно такой же. Те, кто ставили на первое место не себя, а других, как правило, долго не жили...

Теперь за его спиной висело просто пять копий.

Пять ничем не примечательных с первого взгляда копий, каждое около полутора метров длиной.

А вот необычные головы стремительно летели к высоченной башне, возведённой волшебниками в сомнительной по-

пытке обеспечить себе в Аду преимущество.

Сомнительной, поскольку, в отличие от мира людей, в Аду было слишком уж много летающих тварей. И ни одна, даже самая высокая башня, не могла дать такой же хороший обзор, как давала его набранная летающими созданиями высота.

Тем не менее спустившиеся во плоти в Ад волшебники продолжали воздвигать свои башни с упорством, достойным лучшего применения. Многовековые традиции долго ещё дают знать своё, несмотря на всю их бессмысленность в новых реалиях.

Впрочем, усеивающие подножия башни кости несколько противоречили суждению Сатасфера о бессмысленности защитных сооружений. Против обычных демонов и подгоняемых ими грешников такие башни, конечно, являлись достаточно эффективными. Просто Сатасфер слишком привык к суровым условиям Дна Реальности, где единственной надёжной защитой было превентивное нападение.

Владыка демонов привык воспринимать свои орудия и способности как само собой разумеющиеся. Привык, что его противниками были такие же могучие владыки, для которых пространство и материя уж точно не считались непреодолимой преградой. Сатасфер привык даже не то что летать, а мгновенно оказываться почти в любой точке пространства, которую он может чётко представить.

Он привык сражаться с совсем иными врагами. С демона-

ми, с ангелами, но отнюдь не с усилившимися за последние века людьми.

Несколько сотен лет... Да разве же это срок?

Тем не менее следовало признать, что с людьми теперь нужно считаться. Волшебников спустилось в Ад слишком много, и они быстро осваивались в новой реальности. Так называемый первый слой Ада был почти полностью захвачен людьми...

Да, лично для Сатасфера эти жалкие колдунишки не представляли угрозы, но он и не мог использовать против них всю свою мощь. Ибо знал, что Метабес только этого и желает.

Во Вселенной всё стремится к динамическому равновесию, одна сила обязательно уравновешивается силой другой. И тот, кто использует слишком много силы против заведомо более слабого оппонента, неизбежно почувствует на своей шкуре отдачу.

Причём эта отдача может быть выражена в чём угодно: совсем необязательно, что нарушителю баланса будет оказано прямое противодействие. Скорее, проводнику нарушившей равновесие силы может начать не везти...

Только дурак думает, что на войне или в битве всё зависит от мастерства. На самом деле всегда есть множество мелких факторов, которые просто невозможно учесть. Когда эти факторы играют нам на руку, мы зовём их удачей. Когда же они оборачиваются против нас, приятного очень мало.

А когда ты борешься с созданиями, мало уступающими, а то и вовсе превосходящими тебя по мощи, без удачи не обойтись. Вступать с ними в бой, будучи отягощённым последствиями своих грубых действий, глупо.

Потому-то сильные миров сих действовали всегда исподволь, осторожно. Решали свои задачи чужими руками, вступая непосредственно в бой лишь тогда, когда без их прямого участия действительно было не обойтись.

Сатасфер даже не убивал волшебников сам. Он ожидал, когда демоны приведут к нему пленных магов, отрубят им головы, и лишь затем использовал свои способности, чтобы сохранить этим головам жизнь. Заметьте, сохранить жизнь, а не безвозвратно её отобрать! А то, что по его приказу эти головы полетят потом убивать, будет отражаться уже не на его, а на их душах.

Вселенная устроена сложно. В ней действует куча не всегда очевидных законов, которые знающие создания ещё более неочевидными способами всё время обходят. Да чего там далеко ходить, ведь любая магия это, по сути, и есть нарушение законов Вселенной...

Метабес действует через ангелов и людей, Сатасфер действует через демонов и несколько видоизменённых людей — тонкое равновесие сохраняется.

А те, чьи души кладутся ради этого равновесия на алтарь, могут пожаловаться на вселенскую несправедливость. Хотя обычно и до этого не доходит. Все слишком верят, что бо-

рются против всего плохого, что лично они на правильной стороне.

Головы волшебников, вероятно, не были настолько глупы, чтобы считать себя правыми, но они летели, чтобы убивать, поскольку ставили свои жизни выше всех остальных. Ни одна из пяти голов не повернула, чтобы улизнуть или атаковать поработившего её демона. Ни одна не посмела послушаться оживившего её монстра. Ни одна не рискнула своим драгоценным сознанием.

Ведь выполнять приказы сильных мира сего всегда проще, чем таким приказам противиться.

Даже если подобные приказы крайне несправедливы.

На крыше высокой башни дежурил волшебник. Вероятно, не самый сильный, раз ему поручили такое дежурство.

Маги высшего ранга занимались постановкой задач, маги среднего ранга организовывали их выполнение, маги низшего ранга несли непосредственно службу. Это не означало, что низкоранговые волшебники обязательно слабые, но и ожидать от них каких-то выдающихся способностей вряд ли стоило.

Летевшие к башне головы об иерархии магов, конечно же, знали. А потому не стали ни недооценивать противника, ни как-то уж слишком хитрить. Они просто старались застать дежурившего мага врасплох, чтобы увеличить и без того немалые шансы на успешное нападение. На подлёте к

башне пять голов разлетелись в разные стороны, дабы часть из них могла атаковать одинокого волшебника в спину. Ведь удар исподтишка — это не подлость, а совершенно разумная стратегия в любой битве насмерть.

Как только осматривавший окрестности маг заметил угрозу, головы обрушили на него свои заклинания. Каждая, что могла — от сгустков кислоты и огненных шаров до разреженного воздуха, в пузыре которого противнику следовало немедленно начать задыхаться.

Вот только спустившиеся в Ад чародеи тоже не были дураками, а потому расчертили крышу башни защитными оберегами практически под завязку. Так, что плюнуть было нельзя, не попав в сложную геометрическую фигуру или какой-нибудь сигил. Здесь, в Аду, защитные чары работали куда лучше, чем в мире людишек. Пространство зашипело от противодействия магических сил. И, как это обычно всегда и бывало, в первые секунды было совершенно непонятно, чья сторона возьмёт вверх.

В магии в принципе нет ничего точного. Всё строится во многом на интуиции, на состоянии духа в конкретный момент, на скорости мышления, в конце концов, на банальной удаче, а в битве влияние всех этих факторов на результат ещё больше усиливается. Поэтому слабый волшебник вполне может победить сильного, один маг может одолеть нескольких — всё дело лишь в вероятности того или иного исхода. Как ни крути, у опытного чародея шансов на победу будет зна-

чительно больше, чем у зелёного новичка, а группа обычно имеет преимущество над волшебником-одиночкой. Многое определяет и выбранная врагами стратегия...

К счастью для атаковавших башню голов, волшебник, вместо того чтобы сконцентрировать все силы на защите, ожидая подмогу, перешёл в контрнаступление сам. То ли маг оказался самонадеянным, то ли заметил лишь часть голов, недооценив тем самым угрозу.

С небес на отрубленные головы обрушились оранжевые молнии — стремительные, убийственные, но не особенно точные. Быстро перемещавшиеся головы без труда избегали смертельных ударов, в то время как защитные обереги на крыше башни постепенно ослабевали. Но похоже, увлечённый эффектной карой с небес волшебник творящейся у него прямо под носом разрухи не замечал.

Это было распространённой ошибкой молодых магов: ощутив в себе могучую силу, они начинали этой силой уж слишком бравировать. Забывая, что на одну силу всегда найдётся сила другая, ещё более мощная.

Как раз в тот момент, когда из люка на крыше башни высунулся второй волшебник, защитные обереги дали слабину. Часть кислоты проникла сквозь невидимый магический щит, небольшие и с виду такие неопасные капли стали разъедать одежду и плоть «великого громовержца». Огненный шар разбился об остатки оберега, но так близко к самонадеянному магу, что ударная волна швырнула того на пол. При

падении волшебник невольно задел несколько геометрических фигур, ещё сильнее ослабив защиту.

Высунувшийся было на крышу второй чародей был не чета первому и сразу всё понял. А потому быстро шмыгнул обратно, захлопнув за собой люк. Его напарник был всё равно уже не жилец. Да и башне стоять оставалось недолго. Единственным правильным решением было укрыться в подвалах...

Упавшему магу искать спасение было поздно. Несостоявшийся герой стонал и зачем-то куда-то полз, в то время как злобные головы планомерно уничтожали последнюю защиту форпоста волшебников. Магические обереги дают в бою серьёзное преимущество, но если этим преимуществом некому воспользоваться, то быстро становятся бесполезными.

Как только чародейские преграды окончательно пали, одна из летавших голов с явным удовольствием испепелила всю плоть неудачника-мага. Вернее, почти всю, оставив бедолаге его бестолковую голову. Нет, слуга Сатасфера не хотел преподнести её своему хозяину для сохранения столь ценного магами сознания, он просто издевался над трупом противника. Оказавшегося таким глупым...

Впрочем, отрубленная голова была не сильно умнее головы поверженного мага, раз оказалась в своём нынешнем состоянии, просто в момент триумфа она старалась подобные мысли от себя отгонять. Порабощённые демоном головы победили голову вполне заурядную, а потому можно было по-

веселиться, разрушая плоды трудов тысяч грешников. Ведь обесценивать чужой труд всегда так приятно...

Башня медленно, но верно приходила в никуда не годное состояние. Вскоре будет проще построить новую башню, чем восстановить эти руины. Что-что, а ломать маги умели.

Сатасфер терпеливо ждал, наблюдая, как его слуги уничтожают очередное укрепление «понаспускавшихся в Ад» людишек. Подобные маленькие победы едва ли могли удержать волшебников от дальнейшей экспансии, но продвижение людишек несколько замедляли.

Слабое, конечно же, утешение, но, с другой стороны, местные владыки демонов сами виноваты в своём поражении. Меньше надо было сражаться между собой, ну или по крайней мере прекратить грызню, когда появился новый противник. Сатасфер старался не ради этих неудачников, он просто выигрывал время для владык демонов более нижних уровней. Уж они-то повторять столь глупых ошибок не станут. За этим он проследит.

Не особо примечательный внешне демон нанизал вернувшиеся к нему головы на копья, прикреплённые за его вполне заурядной спиной. Голов, как и прежде, было пять штук.

Пять копий, пять довольных собой полуживых-полумёртвых волшебников.

Пять уничтоженных таким нехитрым образом башен.

Пять, хотя все почему-то привыкли считать любимым числом демонов шестёрку.

Но дело ведь не в конкретном числе, какое бы значение в него кто-то ни вкладывал.

Важно понимание законов Вселенной и их аккуратное нарушение.

Ибо, не нарушая правила, никогда ничего не добьёшься.

Но и нарушая их слишком сильно, тоже раньше или позже придёшь к поражению.

Везде нужен баланс и гармония, даже если эта гармония воистину демоническая.

Ведь Ад — это всего лишь часть мироздания, а значит, здесь действуют всё те же законы, что и во всей прочей Вселенной.

Так называемой Вселенной, являющейся, по сути, всего лишь пустотой внутри Бога...

За его спиной головы на копьях.

За его спиной эпохи познания, разочарования и борьбы.

За его спиной смерть.

Часть I. Люди и демоны

Глава 1. Осушение Озера Гноя

*Душа — не дамские подвязки, её не украсть.
Ричард Морган*

Ад, первый слой

Дамианос внимательно осматривал окрестности с высоты, намного превышающей птичий полёт.

Тварь, на которой он летел, была специально выведена Гильдией Чудищ для полётов в негостеприимном Аду и походила на огромную летучую мышь. Настолько огромную, что на ней комфортно мог сидеть человек, привязанный к седлу ремнями из кожи демонов. Полезное чудище, жаль, что таких пока было мало.

Конечно, бороздившего небеса Дамианоса интересовало в первую очередь Озеро Гноя и ведущиеся вокруг него масштабные работы. Для осушения этого феноменального «гнилоёма» он согнал сюда почти всех рабов. Вернее, грешников, но в последнее время слова грешник и раб стали на верхнем слое Ада синонимами.

После прибытия сюда Гильдии Мучений почти в полном составе унизительное обслуживание «привилегированных душ» сразу закончилось. Поначалу двоедушникам и ново-прибывшим магам просто было не до умерших когда-то лю-

дишек — проплатившие себе комфортное посмертие грешники оказались предоставлены сами себе, мучаясь наравне с остальными. Однако, когда маги освоились на новом слое реальности, то быстро пришли к выводу, что глупо оставлять бесхозной такую огромную и совершенно бесплатную рабочую силу. Даже демоны активно использовали грешников для разных работ и войны, а уж маги могли заставить работать людей куда эффективнее.

Демоны принуждали к труду одним лишь кнутом, в то время как волшебники, помимо кнута, вознаграждали хороших работников вкусными мозгами работников не столь прытких... С учётом того, что последние всё равно быстро перерождались, система труда получилась весьма продуктивной. Вместо отлынивания при первом удобном случае, все старались выслужиться перед новыми хозяевами, чтобы заслужить угощение.

Грешники строили, грешники ломали, порой грешников использовали как живой щит — впрочем, волшебники делали это далеко не так часто, как демоны. Не потому, что были особо добрее исконных обитателей Ада, а просто потому, что в качестве рабочих, при должной организации, грешники казались полезнее.

Вот и теперь грешники активно копали. Вгрызались в неподатливую почву этого слоя реальности, роя бесконечную сеть каналов, туннелей, колодцев и прочих конструкций, которые должны были осушить проклятое Озеро Гноя.

Тем самым хотя бы частично лишив маркиза Форнеуса его силы. Уж больно тот был могуч, плавая в своём озере.

Размер имеет значение. Маги уже предпринимали несколько попыток одолеть огромного монстра, но каждый раз истощали свои силы быстрее, чем наносили Форнеусу серьёзные повреждения. Тот просто нырял под толщу вонючего гноя, когда лишался слишком много щупалец. Нырял, выныривал, атаковал в свою очередь зазевавшихся магов, вновь скрывался. Не похоже, чтобы владыку демонов можно было одолеть в лоб.

А победить маркиза Форнеуса следовало, чтобы зачистить наконец первый слой Ада. Да, оставался ещё нападающий всё время исподтишка Сатасфер, но Дамианос понимал, что гоняться за верховным владыкой демонов абсолютно бессмысленно.

Убежит. А если и не убежит, то легко одолеет в прямом противостоянии любого из магов и двоедушников. И то, что это сыграет на руку Свету Небес, будет для положивших свою голову магов утешением весьма слабым. Нет, касательно Сатасфера нужно было действовать куда тоньше. Как и в случае с маркизом Форнеусу, его нельзя было одолеть напрямую.

Что ж, если чему Дамианоса жизнь и научила, так это тому, что для решения любой задачи существует много путей. Не подходит один, надо пробовать другой — раньше или позже что-нибудь да получится.

А если ничего так и не получится, значит, не так уж было и надо.

Нельзя всегда получать всё, что ты хочешь, будь ты хоть трижды главой самой могучей гильдии магов — каковым Дамианос стал после вознесения Атанаса. Надо иногда уметь и проигрывать, чтобы не растратить всю удачу и не потерпеть поражения уже окончательно.

Тем не менее, покуда все возможности не исчерпаны, надо пробовать разные варианты. И осушение Озера Гноя было как раз одной из таких вполне логичных попыток. Посмотрим, как Форнеус будет себя чувствовать вне привычной стихии. Куда он нырнёт, когда нырять окажется больше некуда.

Молчаливый Ориген подошёл к спустившемуся с небес Дамианосу и какое-то время молча следовал за спешившимся с «нетопыря» главой Гильдии Мучений. В отличие от Дамианоса, Ориген по-прежнему оставался лишь голосом Гильдии Големов — главный двоедушник его гильдии поднялся в мир людей, но вознестись на Небеса, как Атанас, ещё не успел. Атанас и шестеро других древних магов мучений в принципе пока оставались единственными, кто удостоился чести подняться на Небо.

Как ни странно, Дамианос одобрял молчание Оригена. Он спокойно отдал подчинённым все необходимые распоряжения, и лишь затем первым обратился к голосу Гильдии Големов:

— Удалось найти что-нибудь подходящее?

Ориген покачал головой:

— Боюсь, кристаллов размером с гору в Аду нет. Придётся действовать по старинке.

Дамианос вздохнул. Естественно, он догадывался, чем кончатся поиски, но попробовать всё же стоило. Покуда не перепробуешь все наилучшие варианты, переходить к менее благоприятным возможностям не стоит, даже если последние кажутся в реализации существенно проще. Лучшее — враг хорошего, но если сразу искать лёгкие пути, то тоже далеко не уйдёшь.

— Ладно, — кивнул Дамианос, — заключим душу маркиза в сосуд. Конечно, надолго так его не удержишь, но думаю, лет тысячу даже таким устаревшим способом можно выиграть.

Главной проблемой с демонами было не убийство последних — с этим маги, как правило, довольно успешно справлялись, — а удержание душ от перерождения. Особенно это было актуально в случае с владыками демонов: что толку от победы над сильным противником, если через год тот снова возродится и начнёт мстить? И пускай ресурсов у него будет не в пример меньше прежнего, но пустить кровь зазевавшимся волшебникам демон всё равно сможет. Куда лучше, если возможностей для перерождения у исконных обитателей Ада больше не будет.

Вот тут-то завоевателям и пригодились навыки магов из

Гильдии Големов, веками заключавших души детей в искусственно созданных монстров. Вернее даже, пригодился один из аспектов этого процесса — ускоренное выращивание кристаллов, служивших вместилищем душ.

В Аду эту технологию заметно усовершенствовали, заключая в кристалл не просто душу, но поверженного демона целиком. Ведь если тот не умер, то и переродиться точно не сможет. Так и будет бездвижно находиться в кристалле до окончания времён.

Конечно, запереть таким образом демона было тысячекратно сложнее, чем просто убить, но результат того стоил.

Даже если пленить душу, как раньше всегда делали с бедами, та всё равно раньше или позже пролезет через любую преграду, какими чарами ты её ни удерживай. В лучшем случае удержишь на тысячу лет, но что такое тысяча лет, когда теоретически жить можно вечно? Нет, куда заманчивее решить вопрос окончательно, замуровав владык демонов в выращенных прямо вокруг них кристаллах.

— Подходящие сосуды уже подготовлены, — без каких-либо эмоций сообщил Ориген. — Как только маркиз Форнеус будет повержен, начнём ловить его душу. В отличие от тела чудовища, душа не должна быть большой. Вопрос лишь в том, из какой части тела и куда она вылетит. Придётся держать как минимум дюжину волшебников наготове.

Големы в Аду всё равно не ценились — благодаря грешникам и приручённым чудищам грубой физической силы хва-

тало и так, — поэтому маги богатой и влиятельной прежде гильдии полностью сосредоточились на выращивании кристаллов и захвате душ демонов. Шептались, что теперь правильнее было бы называть их организацию не Гильдией Големов, а какой-нибудь Гильдией Ловчих, однако пока переименования не случилось. Наверное, сменят название лет через пятьдесят или сто — уж больно волшебники чтят традиции.

Дамианос переключил внимание на ползущую к нему большую змею. Трудно было её не заметить, учитывая, как демонстративно тварь двигалась. Змея как будто стремилась казаться повыше, вытянув большую часть тела вертикально вверх и перемещаясь за счёт скручиваний в районе хвоста. Отливающая изумрудом чешуя блестела, отражая оранжевый небосвод. В ярко-красных глазах читались признаки незаурядного интеллекта. Если бы не чётко различимая ядовито-зелёная аура, тварь можно было бы даже охарактеризовать как по-своему прекрасной...

— Так-так, — проворчал Дамианос, шагнув навстречу змее.

Треугольная голова вытянувшейся ввысь змеи оказалась почти напротив лица довольно рослого мага. Тварь высунула раздвоенный язык и наклонила голову, будто кланяясь.

— Плохие новос-с-с-сти, — прошипела змеюка. — С-с-с-сатасфер с-с-снова напал на баш-ш-шню. С-с-с-совсем неподалёку от нас-с-с. В районе бывш-ш-ших владений короля и губернатора З-з-загана.

— Проклятье! — недовольно сжал губы в тонкую линию Дамианос. — Как же не вовремя. Он явно желает, чтобы мы оттянули часть наших сил в тыл.

— Снова головы? — стоя позади Дамианоса, спросил у экзотического посланца Ориген.

Верхняя часть туловища змеи сдвинулась в сторону, чтобы посмотреть прямо на обычно тихого мага. Ориген не любил ни змей, ни тем более летающие сами по себе головы, а потому интересовался не столько из праздного любопытства, сколько из стремления держаться от неприятных явлений подальше.

— Да-с-с-с, — прошипела тварь. — Все пять голов с-с-сразу. З-защитные обереги оказались бес-с-с-ильны.

Дамианос фыркнул:

— Ну да, ну да. Как ты и предсказывал, помним. Если бы твои предсказания были хоть немного конкретнее...

Змея ничего не ответила, покачивая верхней частью тела из стороны в сторону и демонстрируя вибрирующий длинный язык.

Оглянувшись на спутника, Дамианос отослал Оригена с первым пришедшим ему в голову поручением. Он знал, что голос Гильдии Големов терпеть не может их демонического союзника, как и то, что по-настоящему ценные сведения будут переданы только при отсутствии всяких свидетелей.

Несмотря на умение предсказывать будущее, герцог Астарот всегда принимал все необходимые меры предосторожно-

сти. Ведь будущее во многом зависит от наших собственных действий или бездействия.

Безответственному идиоту никакое, даже самое благоприятное, предсказание не поможет, а ответственный мудрец извлечёт пользу из самого плохого прогноза.

— Нус-с-с-с, — передразнивая шипение змеи, обратился Дамианос к аватару, посредством которого герцог Астарот передавал свои сообщения.

Ориген был явно рад покинуть их общество, а потому быстро удалялся под предлогом выполнения бесполезного поручения. С учётом тихой змеиной манеры шипения, послание Астарота никто из посторонних уже не мог слышать.

— С-с-сатасфер не вмешается в битву с-с-с чудовищем, — передал хорошую весть аватар герцога. — Более того-с-с-с...

Змея приблизилась к Дамианосу почти что вплотную и прошептала ему прямо в ухо ещё более полезные сведения.

Глава 2. Размер имеет значение

*Мир я сравнил бы с шахматной доской:
То день, то ночь. А пешки? Мы с тобой.
Подвигают, притиснут и — побили.
И в тёмный ящик сунут на покой.*

Омар Хайям

Ад, первый слой

Дамианос в очередной раз облетел зловонное озеро, чувствуя вонь даже на громадной высоте. Он не морщился, зная, что дальше пахнуть будет лишь хуже, ведь сегодня маги наконец-то вскроют этот чудовищный гнойник.

Гнойник, что мешал им покорить Ад. По крайней мере его верхний слой, если придерживаться логичной терминологии, а не мнения демонов, считающих мир людей руинами Ада.

В общем-то, спустившиеся в Ад волшебники вполне могли бы не воевать с демонами, а уживаться — не так сильно они отличались. И те и другие в грош не ставили благополучие тех, кто был ниже по иерархической лестнице. И те и другие жаждали могущества, бессмертия, безнаказанности. И те и другие, по версии Света Небес, происходили от мифических перволюдей...

Маги и демоны наверняка бы быстро договорились, рас-

пределив грешников и владения, однако у того самого Света Небес были на Ад свои планы. Сущность, благодаря которой переселение стало возможным, требовала от волшебников захвата минимум четырёх верхних уровней. Требовала, запугивая скорым нисшествием падших ангелов, и одновременно соблазняла, обещая награды. Это было так бесхитростно... и так эффективно. Мотивация, что у простых смертных, что у демонов или магов работает одинаково.

По словам Света Небес, ангелы вскоре промчатся по всем слоям Ада, гоня из глубин преисподних демонических тварей, которые, в свою очередь, будут вынуждены лезть наверх. А поскольку верхний уровень Ада станет для многих демонов практически непреодолимой преградой, то они заполнят его практически целиком. Если маги к этому моменту не углубятся хотя бы до четвёртого уровня, то такого наплыва глубинных жителей им не выдержать. Завсегдатаи нижних уровней Ада не чета владыкам демонов верхнего слоя.

С другой стороны, на нижних уровнях у волшебников якобы будет больше возможностей. Физика мира станет податливее, а пространства будет существенно больше — даже заурядный колдун сможет рассчитывать получить какие-никакие владения.

Что ж, чем-чем, а прельщать колдунов властью было очень легко. Ведь что может быть слаще власти, чем ещё большее количество власти? Эту жажду, стоило ей однажды возникнуть, было уже не унять.

Хотя сам Дамианос действовал скорее из страха. Он знал, что сильным миров сих нельзя отказывать, тем более отказывать прямо. Милость легко может обернуться яростным гневом, от которого ничто не спасёт. Ведь полностью укрыться от Света невозможно даже в Аду...

Потому-то Дамианос и вёл волшебников в бой. Но вёл осторожно, методично, без какой-либо спешки и фанатизма. Порабощал владык демонов одного за другим, зная, что извечная вражда исконных властителей Ада не позволит им быстро объединиться. К тому же, несмотря на века соседства с двоедушниками, те по-прежнему относились к людям довольно легкомысленно. Слишком привыкли к покорности безвольных грешников, лишь внешне похожих на прибывших сверху магов.

Что тут сказать, недооценка противника во все времена стоила очень дорого. В молодости Дамианос не раз становился свидетелем того, как подобная небрежность стоила его коллегам карьеры, а то и жизни, поэтому тщательно готовился к каждой битве. Осторожность лучше пустого бравадничанья. А осмотрительность — совершенно не то же самое, что постыдная трусость. Наоборот, это мудрость.

Однако сейчас всё действительно было готово к сражению с монстром, большего точно не сделаешь. Значит, пора начинать.

Дамианос покрутил над головой правой рукой, раскручивая ядовито-зелёный вихрь — довольно безобидный, но

очень заметный. Стянутые к Озеру Гноя маги, давно занявшие свои позиции на грубо сколоченных вышках, приготовились. Именно на их плечи должна была лечь основная тяжесть сражения, в то время как немногочисленные колдуны на гигантских нетопырях лишь координировали действия со своей недостижимой высоты. Несмотря на всю прелесть полёта, сидя на летучей мышке особо не поколдуешь — серьёзные чары требуют серьёзной же концентрации.

Однако настоящему стратегу и не следовало вступать в бой самому. Такое поведение хорошо лишь для «великих героев», существующих лишь в сказках для бедных. В реальном мире, чем выше ты стоишь на иерархической лестнице, тем в более глубоком тылу ты находишься. Ибо положить голову за правое дело может любой идиот, а вот управлять этими идиотами может вовсе не каждый...

На первый взгляд, после условного сигнала Дамианоса внизу ничего не поменялось. Никто никуда не побежал, широкое озеро волшебным образом тоже не испарилось. Как будто его сигнал вовсе и не заметили.

Вот только Дамианос знал, что в этот самый момент огромные черви, выведенные Гильдией Чудищ, догрызают последние метры, отделяющие их от дна озера. Через проложенные ими туннели в заранее вырытую сеть каналов совсем скоро потечёт густой гной.

Да, скорее всего, Форнеус сможет заткнуть часть таких туннелей своими многочисленными щупальцами, но даже

ему не залатать сразу все дыры на дне любимого озера. Законы физики — они и в Аду законы физики, гнойная жидкость должна начать вытекать. Вопрос лишь в том, сколько этот процесс займёт времени.

Впрочем, полного осушения озера и не требовалось. Достаточно было понизить уровень жидкости так, чтобы монструозная туша Форнеуса не могла скрыться в гное целиком. Если маркиз не сможет зализывать раны, то маги его одолеют. Тем паче, что они загодя разбились на смены, чтобы не давать Форнеусу передышки. Всё было продумано, обговорено, отработано.

И тем не менее Дамианос предусмотрел серьёзный резерв на случай возникновения непредвиденных обстоятельств. Ибо тот, кто вступает в сражение, не имея резерва, — законченный идиот. Всегда что-нибудь идёт не по плану.

К счастью, пока всё шло именно так, как и следовало. Над поверхностью озера начали лопаться гнойные пузыри, затем на их месте стали появляться воронки. Небольшие, если смотреть с высоты полёта нетопыря, но внушительные, если оказаться вблизи. Процесс, как говорится, пошёл.

А чтобы помешать маркизу Форнеусу затыкать возникающие повсюду на Озере Гноя воронки, его решили отвлечь.

Из-за осады гигантский монстр давно не получал свежего мяса, так что Дамианос надеялся, что инстинкт возьмёт верх над разумом. Следившие до того за работами маги погнали к озеру грешников, которые эти самые работы в поте лица

выполняли. Огромное количество рабов, сконцентрированных в одном месте, на время стало ненужным, так почему бы не использовать их плоть с пользой? Всё равно быстро переродятся, чтобы вкалывать вновь.

Чувства грешников при этом никого, конечно, не волновали. Грешники на то ведь и грешники, чтобы мучиться в Аду, «очищая» души для перерождения в высших сферах.

Как ни странно, могучий владыка демонов клюнул на столь примитивную уловку, хотя и попытался утянуть грешников под гной, вместо того чтобы лакомиться ими над поверхностью озера. Щупальца метнулись к берегам, сгребая визжащих людишек в охапку, но даже этих секунд магам хватило, чтобы обрушить на отростки Форнеуса всю мощь атакующих заклинаний. То, что нырнуло обратно в озеро, уже мало походило на то, что из него вынырнуло. Гной у берегов озера окрасился в красный цвет.

Это явно не понравилось маркизу Форнеусу. Чтобы отомстить обидчикам, владыка демонов заворочался на дне озера, чем произвёл на поверхности волны. Вонючие волны. Действительно очень вонючие.

Однако к воню осаждающие Озеро Гноя маги если не привыкли, то давно приспособились. Их лица были обмотаны несколькими слоями ткани, смоченными волшебными снадобьями. Да, эти снадобья не могли сравниться с зельями уничтоженной Гильдии Алхимиков, но по крайней мере делали невыносимую вонь терпимой. А от слезящихся глазок

и соплей ещё никто вроде не умирал.

На самом деле это было даже хорошо, что маркиз Форнеус тратит свои силы на то, чтобы гнать волны к берегу, вместо того чтобы затыкать дыры на дне. Пусть побесится, мы потерпим.

Для самого Дамианоса вонь на такой высоте вообще не была серьёзной проблемой. Случалось ему вдыхать испарения похуже. Ведь он столько раз заменял своему двоедушнику «якорей» — умирающих стариков, которые «благоухали» не лучше вонючего гноя на озере...

Между тем следующий манёвр Форнеуса оказался гораздо коварнее, поскольку, как вскоре выяснилось, вонь была лишь прикрытием. Маги начали ощущать слабость и тошноту, которую логично было бы списать на жуткие запахи, но которая имела совсем иную природу. Огромный монстр на дне озера издавал неслышимые для людей, но крайне вредные звуки.

Дамианос и сам вряд ли понял бы причину внезапного недомогания, однако, к счастью для всех, его нетопырь оказался куда чувствительней к звукам, чем люди. Уши летающего чудища нервно зашевелились, затем стали сворачиваться в своего рода трубочки, противостоя невидимым звуковым волнам. Тогда-то Дамианос и понял, что означало предупреждение Астарота: «не верь ноздрям своим».

Пришлось опять прибегнуть к размахиванию правой рукой, чтобы нарисовать в небе грубую картину уха, которое

требовалось срочно заткнуть. Дамианос не был мастером по части иллюзий — магистр Гильдии Мучений всё же не иллюзионист и не фокусник, чтобы развлекать кого-то визуальными эффектами, — однако творить какие-никакие образы он умел. Ядовито-зелёную картинку в небе должны были увидеть если не все, то многие — у кого-нибудь хватит мозгов сделать правильный вывод. Сам же Дамианос заставил своего нетопыря взмыть ещё выше в небо, чтобы уменьшить воздействие звука. Свист ветра в ушах вскоре принёс ему весьма ощутимое облегчение.

Маги намёк своего предводителя поняли, в тылах началась суматоха — стал очень востребован банальнейший воск. Им затыкали уши, что хоть и не снимало слабость, головную боль и тошноту, но симптомы несколько облегчало. К тому же чередование магов на вышках вдоль озера решили сделать почаще, чтобы те могли прийти в себя на отдалении от источника вони, звука и ещё чёрт знает чего. Борьба на измор продолжалась.

Да, часто всё упирается не в абсолютную силу, а в куда менее заметную выносливость. Кто может дольше терпеть неудобства, тот в конечном счёте и побеждает, если движется в правильном направлении. Терпение и труд даже Форнеуса перетрут.

Время шло, уровень жидкости в озере убывал. Не столь стремительно, как хотелось бы магам, но куда быстрее, чем хотелось маркизу Форнеусу. Тот слишком поздно принялся

затыкать дыры на дне, недооценив угрозу обмеления озера и понадеявшись отвести волшебников своим чудо-звуком. К тому моменту, когда монстру удалось более или менее остановить утечку жидкости, гной уже не мог скрыть его очертаний.

Снизившийся по такому поводу Дамианос направил ядовито-зелёный луч из ладони прямо в центр колышущегося тёмного пятна, которое было отлично видно с высоты полёта нетопыря. Давно ожидавшие сигнала волшебники внизу оживились. С ближайших к месту нахождения Форнеуса вышек в гущу гноя полетели самые бронебойные заклинания. Никто даже особо не целился, поскольку не попасть в огромную тушу чудовища было практически невозможно.

Вырванные из земли булыжники, шаровые молнии — обычные молнии с небес использовать было нельзя из-за круживших над Форнеусом магов, — ледяные копья размером с лошадь, сгустки кислоты, даже огненные смерчи, заставлявшие кипеть гной — спустя каких-нибудь секунд тридцать всё было направлено на очертания гигантского монстра. Над Озером Гноя послышался протяжный стон.

Сперва маркиз Форнеус попытался отползти в центр озера, но даже там глубины уже не хватало, чтобы замаскировать его огромную тушу. Летавшие на нетопырях маги словно коршуны указывали на местонахождение монстра. А вскоре перестали требоваться даже их указания — можно было ориентироваться по бьющим из Форнеуса фонтанам

крови. Так что Дамианос и прочие координаторы разлетелись, чтобы волшебники могли ударить самыми мощными заклинаниями. С небес на монстра посыпались молнии, кислотный дождь, а также свалилась пара огромных метеоритов — последнее заклинание требовало группового усилия сразу дюжины магов, но оно того стоило. Протяжный стон перешёл в оглушительный вопль боли. Скорая победа волшебников казалась теперь очевидной.

Тогда, поняв, что на этот раз уйти ему не дадут, маркиз Форнеус решил перейти в контрнаступление. Не для того чтобы победить или хотя бы спастись, а просто чтобы подороже продать свою жизнь.

Это было похоже на то, как при плавании на корабле издалека становится виден остров, только приближался «остров» не постепенно и медленно, а скачками, вырастая в размерах с воистину пугающей скоростью. Маги на вышках, к которым волей судьбы направился монстр, заметно занервничали. Из земли на берегу стали стремительно вырастать колдовские шипы, чтобы хоть как-то воспрепятствовать продвижению «острова». Увы, против столь огромной массы даже трёхметровые шипы оказались бессильны.

Ударившие по берегу щупальца быстро сломали преграду, а вылезшая наполовину из воды туша вскоре позволила отросткам достать до вышек, предусмотрительно расположенных аж в нескольких километрах от берега.

Да, для туши Форнеуса подобная вылазка на сушу оказа-

лась фатальной, но погибшим от его щупалец магам вряд ли от этого было легче. Около двух десятков волшебников погибло в бою с владыкой демонов не самого высокого ранга — таких больших потерь одновременно у них в Аду ещё не случалось.

Разъярённый нанесённым ущербом, Дамианос опустился на землю чуть в стороне от сражения, чтобы лично обрушить на зловредного монстра всю свою мощь. Раз уж маркиз Форнеус так любит гной, то пусть его плоть заживо и гноится! Что-что, а превращать живую плоть в мертвечину Дамианос умел хорошо. Шанса отползти в Озеро Гноя обратно у Форнеуса не было.

По «остову» били, били и били, покуда хоть какие-то бесчётные щупальца и прочие отростки чудовища шевелились. И лишь когда стало очевидно, что «остров» никогда и никуда уже больше не сдвинется, ловчие из Гильдии Големов принялись извлекать из ошмётков плоти ещё теплившуюся там душу.

Душу, которой предстояло тысячелетнее заключение.

Душу, которой точно не дадут покоя обозлённые маги, потерявшие в этой битве товарищей.

Маленькую подлую душу, чей размер, как вскоре выяснилось, совершенно не соответствовал огромному телу.

Ибо зло может только казаться огромным, но в действительности оно всегда крайне мелочное.

Глава 3. Участь бессмертных

*Мы вред
На пользу обернём; из бед и зол
Составим счастье. Муки отстрадав,
Преодолеем кару, и в Аду,
При помощи терпенья и труда,
К покою, к благоденствию придём.
Джон Мильтон, «Потерянный Рай»*

Ад, первый слой

Люди привыкли жить в городах. А маги всё-таки оставались людьми, поэтому даже в Аду они возвели город. Не такой большой и богатый, если сравнивать с городами их прежнего мира, и вообще очень странный, но тем не менее новый дом волшебники себе всё же построили.

Первоначально маги хотели сделать весь город подземным, но от этой идеи вскоре пришлось отказаться. В Аду всё было слишком подвижно, в том числе и земля. Огромные пространства время от времени приходили в движение, иногда не просто смещаясь относительно друг друга, но даже поднимаясь или опускаясь на иной слой бытия. Разветвлённая сеть туннелей могла после подобных перемещений оказаться разбросанной по разным районам или уровням Ада.

Для одинокой башни ещё имело смысл вгрызаться в непо-

датливый грунт ради надёжного фундамента и подвалов, однако город есть город — для его строительства требуется слишком много ресурсов, чтобы после очередного перемещения доменов вдруг обнаружить, что никакого единого города больше нет. Даже наличие бесплатной рабочей силы в виде армии грешников не могло оправдать такое трудозатратное ковыряние под землёй.

Надо было строить либо что-то небольшое и простенькое, либо переносное, чтобы минимизировать риски и затраты в случае раскола города при сдвиге пространства. Тесниться и жить в недолговечных домах маги, естественно, не хотели, поэтому в итоге решили строить вместо зданий фургоны. Очень большие фургоны, с шикарной внутренней отделкой, бронированные и увесистые, но всё же вполне перевозимые при помощи грешников и чудовищ. Составленные в концентрические круги, такие фургоны и стали считаться у магов в Аду новым городом.

Филакитод — так волшебники называли свой передвижной дом. А также по совместительству тюрьму для демонов, ибо в центре города хранились кристаллы с заключёнными в них владыками Ада. Их стерегли строже любого сокровища ведьмы, для которых охрана стала одной из двух главных обязанностей.

Второй обязанностью для ведьм, конечно же, стали роды. Нестареющие в Аду тела не делали волшебников абсолютно бессмертными, было очевидно, что в сражениях будут по-

тери. Требовалось пополнять ряды, вот только грешники для обучения магии не годились даже при наличии у них колдовского таланта. У умерших были серьёзные проблемы с памятью и концентрацией, только спустившиеся в Ад во плоти сохраняли ясное сознание, необходимое для применения колдовства.

Почивший во время волшебной междоусобицы Никодим — Голос разгромленной Гильдии Солнца — в общем-то, правильно предвидел проблемы, которые возникнут после исхода волшебников в Ад. Обучать новых магов в мире людей действительно стало некому, да и после многочисленных проломов реальности потоки энергии вели там себя уж слишком непредсказуемо. Магия стала опасной не для врагов волшебников, а в первую очередь для самих магов. Тех, кто так и не успел спуститься в Ад во плоти, теперь «спускали» озверевшие от бесконечных жертв простолюдины. Притока новых колдунов из мира людей ждать точно не следовало.

Однако несчастный Никодим не знал того, что было обещано ведьмам: что члены Гильдии Непорочных начнут в Аду активно рожать без потери своих чудо-способностей. Причём рожать не абы кого, а существ с магическим даром. Достойная, хотя и опасная замена всё-таки погибшим волшебникам.

Впрочем, пока ещё ни одна из ведьм никого не родила, так что приходилось полагаться на честное слово Света Небес.

Хотя, с другой стороны, никто из уже давно носивших плод ведем свои колдовские таланты, и правда, не потерял, при том что зачатия вовсе не были непорочными...

Гильдия Големов без големов, Гильдия Непорочных, не хранившая больше девственность — хорошо хоть, что Гильдия Мучений по-прежнему предпочитала всех мучить, оправдывая своё мрачное название. Что ж, было бы странно полагать, что при перемещении в Ад ничего не изменится, и каждый останется при своей роли. Новая реальность требовала от магов приспособления, и пока те с этим неплохо справлялись.

Как говорится, от каждого по способностям, каждому — бессмертие. Можешь убивать демонов — убивай, можешь пленять их души — пленяй, можешь рожать — рожай. Главное — приноси хоть какую-то пользу, потому что иначе в Аду выжить трудно. Волшебников, как ни крути, от силы несколько тысяч, а грешников и демонов кругом миллионы.

И всех демонов при этом никогда не пленишь, не удержишь. Захватывали лишь владык здешнего мира, со всеми другими приходилось постоянно бороться. Не до роскоши и свободы делать или не делать что хочется.

К счастью, дорвавшиеся до постельных утех ведьмы на свою новую участь пока что не жаловались. Разве что, женщины предпочитали предаваться похоти с сильными чародеями, хотя это никак не гарантированно появление более сильных потомков. Всё дело было лишь в статусе: совокуп-

ление с магистром какой-нибудь гильдии считалось намного престижнее, чем кувырканье с молоденьким, но слабеньким магом. Неудивительно, что голос Гильдии Непорочных выбрала себе в партнёры самого могучего мага из всех.

Эвдокия и Дамианос — пара, где каждый стоил друг друга. Ибо оба были холодны и расчётливы, как никто иной в этом мире. Никакой любви и влечения — просто деловые отношения сильных лидеров.

И вынашиваемый ребёнок, которому, независимо от колдовских талантов, будет отведена в иерархии магов весьма видная роль.

Видная, просто потому что детям таких родителей свободы выбора точно не предоставят. Их будут готовить к тому, чтобы повелевать.

Даже если эти детишки окажутся полными идиотами...

— Всё ещё держится? — Дамианоса мало интересовало самочувствие находившейся на седьмом месяце беременности Эвдокии. Вернувшись после битвы с маркизом Форнеусом, он сразу принялся за дела, накопившиеся за время его трёхнедельного отсутствия. — Вот уж не думал, не гадал, что главный двоедушник Гильдии Солнца проживёт вне своих чертогов так долго!

Эвдокия кивнула. Она ничуть не расстроилась из-за пренебрежения Дамианоса к её личным проблемам. Что, в конце концов, мужчины понимают в таком сложном для женщи-

ны положении, как беременность? И что понимают сильные мира сего в обычной человеческой заботе о ближних?

На последний вопрос Эвдокия и сама могла ответить, что ничего. Властителей мира интересовали только собственные цели. Чужие горести и радости их совершенно не трогали.

— Филандера окружают не шестеро, а десятки «якорей», так что он держится будь здоров, — хмыкнула ведьма. — Сдаётся мне, что слуги поместили его кокон в какой-то госпиталь для тяжелобольных. Благо чего-чего, а тяжелобольных наверху сейчас много.

Наверху. Да, вот так бесхитростно маги частенько называли между собой свой прежний мирок. Мир людей, Руины Ада, наверху. Промежуточный слой между Небесами и Адом, послуживший волшебникам трамплином к обретению вечной жизни.

— Очередная эпидемия? — поднял бровь Дамианос.

— Конечно, — ответила Эвдокия. — Без ведьм и алхимиков лечить-то народ больше некому, вот идохнут как мухи. Ну что ж, сами мечтали жить свободно без магов, пускай теперь наслаждаются.

О том, что это именно волшебники оставили прежний мир лежащим в руинах, Эвдокия старалась не думать. Опустошённый магической войной, массовыми жертвоприношениями, оставшийся разом без всех привычных колдовских инструментов — куда ещё мир наверху мог скатиться? Наверное, теперь Ксерсия кажется жителям развалившейся

Магократии вершиной цивилизации...

Всё меняется. Для одних Ад постепенно превращается в весьма благоприятное место, для других же некогда благополучные края превращаются в Ад. Такое вот несправедливое равновесие.

Эвдокия передала ёмкость с душой маркиза Форнеуса одной из своих подчинённых. В жёсткой форме дала необходимые указания касательно охраны неброского с вида сосуда. После чего повела Дамианоса к фургону, в котором находился кристалл с наполовину замурованным двоедушником.

Ситуация с главой поверженной Гильдией Солнца была странной со множества точек зрения. Во-первых, Филандеру удалось пережить разорение штаб-квартиры его гильдии — слуги вынесли кокон двоедушника из Чертогов Тьмы и укрыли в неведомом месте до прихода победивших в магической войне чародеев. Во-вторых, что было гораздо важнее, волею судеб Филандер стал для волшебников в Аду едва ли не главным информатором о текущих событиях в мире сверху.

Ни первого, ни второго, естественно, не планировалось, но всё вышло как вышло. Двоедушников гильдий, проигравших в короткой войне за Политомигон, истребили под корень, добравшись до почти никем не охраняемых коконов. Двоедушники победивших гильдий, в свою очередь, почти все поднялись через проломы реальности в мир людей для воссоединения частичек своих раздвоенных душ. Те же, кто

специально остался в Аду для связи между мирами, оказались практически изолированы в чертогах, где находились их коконы.

С уходом волшебников все гильдии в мире людей быстро разваливались под напором восставшего населения. Оставшиеся слуги и недоученные маги оказались, по сути, в осаде, все их силы были направлены исключительно на защиту подземелий. Не до разведки и контроля над чем бы то ни было.

Обрётшие целостность двоедушники тоже во внешний мир особенно не высывались, поскольку от них теперь требовалось быть святее всех святых — ни убий и всё такое прочее. Попробуй с такой позиции объяснить озверевшему люду, что восставших из Ада волшебников не нужно любой ценой растерзать. Когда тебе нельзя применять силу во вред, доказывать простолюдинам что-либо очень трудно — к такому сильных миров сих жизнь не готовила...

Филандера же люди наверху не просто боялись, а искренне его уважали. Остатки всех шпионских сетей докладывали ему о ситуации в мире. А он, будучи захваченным в плен в Аду, нехотя делился сведениями с Дамианосом. И только лишь с ним одним, поскольку волшебников остальных гильдий считал предателями, погубившими Гильдию Солнца. Дамианос же, хотя и начал великую заваруху, напрямую в магической войне вместе со своей гильдией не участвовал, а потому был хоть и мерзавцем, но не предателем. Такая вот странная логика.

С другой стороны, у проживших несколько сотен лет двоедушников встречались причуды и постранные. Дамианос был даже рад, что Филандер беседует только с ним. Ведь это добавляло Дамианосу ещё больше важности.

Хотя и доставляло некоторые неудобства из-за необходимости личной беседы с последним солнечным магом. Но обладание властью требует умения мириться с разными неудобствами. Кто хочет приятной и спокойной жизни, тому лучше на вершину иерархической лестницы не лезть, а остановиться где-то посередине.

Так что при каждом посещении города Дамианос навещал пленённого двоедушника. Его не особенно волновал мир людей, но его беспокоили ангелы, что спустились туда через проломы реальности. Это был фактор, с которым нужно считаться.

— Как я понимаю, надолго в Филакитодe ты не задержишься? — аккуратно поинтересовалась Эвдокия у своего партнёра.

Дамианос покачал головой. Невольно отметил заострившиеся черты лица немолодой уже женщины. С тех пор как ведьмы сошли в Ад и получили возможность совокупляться, их пухлые личики и тела становились с каждым днём всё более подтянутыми. Если бы не распухающие от вынашиваемых детей животы, Дамианос сказал бы, что женщины заметно похорошели.

— Увы, почивать на лаврах нам некогда. Необходимо уже

сейчас начинать подготовку к следующему вторжению. Второй слой Ада не подчинится столь же легко, как слой первый. Все наши двоедушники оттуда сбежали, плацдарма для наступления нам никто не предоставит.

Дамианос не винил оставивших свои владения двоедушников. После начала тотальной войны с демонами они всё равно бы долго на втором-третьем слое Ада не удержались. Слишком их мало там было, без многочисленных союзов с владыками демонов у них не было никаких шансов противостоять адским ордам. Хорошо, что вернулись в мир людей для воссоединения своих душ, вместо того чтобы напрасно погибнуть, приняв весь напор мстительных демонов на себя.

— Дождёмся очередных сдвигов пространства, — продолжил делиться планами Дамианос, — герцог Астарот укажет время и место, тогда новую экспансию и начнём.

Причин не доверять Астароту у Дамианоса не было, он знал, что владыка демонов давно подпал под влияние Света Небес. Главный адский провидец предвидел победу небесной сущности, а потому заблаговременно примкнул к победителю. Ведь вовремя сменить сторону — это не предательство, а великая мудрость.

— Должна тебя предупредить, что не все ведьмы и маги разделяют ваш план стремительного завоевания Ада, — поджав губы, нехотя поделилась своими соображениями Эвдокия. — Многие предпочли бы как следует укрепиться на этом слое реальности.

Дамианос пожал плечами, он не питал иллюзий насчёт энтузиазма своих подчинённых:

— Прекрасно понимаю всех сомневающихся. Только дурак рвётся в бой, не успев перевести дух после прошлой битвы. Если бы меня не подталкивал Свет Небес, я тоже предпочёл бы дожидаться появления и воспитания потомства и лишь потом двинулся дальше.

Эвдокия сощурилась:

— Чтобы отправить потомков биться в первых рядах? Да не отрицай, я бы тоже так поступила. Руководить войной из тыла гораздо разумнее, чем лезть на рожон самому. Возможно, именно этого Свет Небес и опасается. Держу пари, у него свои планы на наше потомство. Рождённые в Аду покорители Неба... Наш покровитель весьма любит подобные сочетания.

Это действительно было правдой. В смысле, и планы Дамианоса на потомков, и тенденция к сочетанию несочетаемого у Света Небес. Однако всё это было лишь лирикой, реального выбора у Дамианоса, конечно же, не было. Либо выполнять волю полубожественной сущности, либо оказаться в одиночестве меж молотом и наковальней. Не было сомнений, что ангелы и в самом деле пронесутся в ближайшие годы сквозь Ад, сгоняя демонов с веками насиженных мест.

— В любом случае наши желания значения не имеют, — вздохнул Дамианос. — Нам придётся спуститься ещё хотя бы на один уровень ниже. Только убедившись, что наше на-

ступление выдохлось, Свет Небес оставит нас на время в покое. До тех пор, боюсь, что роль расходного материала отведена именно нам, а не ангелам или нашим потомкам.

Увы, не всегда всё складывается согласно нашим желаниям. Перестать стареть, чтобы сложить свои головы в ненужных им битвах — такова была цена за возможности, данные магам. Мало было бессмертие единожды получить, за удержание этого бессмертия нужно было отчаянно биться. Суровая реальность, чтоб её во все дыры!

Дамианос не исключал, что на верхний уровень Ада скоро действительно хлынут демоны, гонимые ангелами, и лучше бы магам переместиться к тому времени ниже. Однако спешку, к которой его настойчиво подталкивал Свет Небес, считал неоправданной. Двадцать лет, необходимые им для воспитания нового поколения магов, ничего принципиально не изменили бы. Для бессмертных это не срок, а так, небольшая пауза в действиях.

Обладая властью, Дамианос часто врал сам, а потому и другим не особенно верил. У него не было сомнений, что Свет Небес не столько им благодетельствует, сколько их цинично использует, но главный маг ничего не мог с этим сделать. Иногда нужно просто делать то, что от тебя требуют обладатели большей силы, потому что сопротивление будет стоить ещё дороже...

Что, впрочем, совершенно не означало, что следует покорно плыть по течению, не смотря по сторонам и не ища

иных вариантов.

Власть — это умение маневрировать. Проскальзывать между плохой и очень плохой альтернативой, стараясь сыскать для себя хоть какую-то выгоду.

Если Свет Небес отправит волшебников в бой, само собой, они в бой пойдут. Просто станут сражаться не в полную силу.

Однако об этом лучше помалкивать и не признаваться даже себе самому. Кто знает, насколько глубоко может проникнуть мыслящий свет...

Если соединённые в цепь фургоны Гильдии Мучений, Големов и Чудовищ образовывали окружности, то фургоны ведьм в центре города закручивались в своего рода спираль. Жилые фургоны чередовались с фургонами-тюрьмами, чтобы захваченные владыки демонов находились всегда под присмотром. К одному из таких хранилищ как раз и подошла самая известная в Аду парочка.

Внутри фургона Дамианос вошёл уже один. Ему до сих пор казалось немного странным следование нелепым требованиям пленника, но поскольку в плену этого пленника Дамианос в какой-то степени находился и сам, то приходилось подыгрывать. Увы, на вершине иерархической лестницы всё всегда сложнее, чем кажется, и закулисные занятия мало похожи на представления, разыгрываемые перед публикой. Если бы подчинённые знали, каким идиотизмом за-

нимаются порой их начальники, то давно взбунтовались...

Эвдокия ждать или тем паче слезливо прощаться с партнёром, конечно, не собиралась, а потому пошла по своим делам дальше. У них с Дамианосом были те ещё «высокие отношения» — один сплошной прагматизм, без капли личной привязанности. Тем не менее обоим такие отношения устраивали, да и с расспросами своеобразного пленника можно было не торопиться. Не то чтобы Дамианос был большим любителем поболтать, но обрывочным сведениям он всегда предпочитал исчерпывающую информацию. Раз уж он пришёл к своему не то пленнику, не то к информатору, лучше обсудить всё и сразу.

Внутреннее убранство фургона-тюрьмы не отличалось богатством. У стен стояли кристаллы с вмурованными в них владыками демонов, посередине был оставлен узкий проход. Обычно здесь дежурила одна из ведьм, но зная специфику общения Дамианоса с последним двоедушником Гильдии Солнца, охранница предусмотрительно вышла. Предводитель магов неспешно двинулся мимо плотно приставленных друг к другу кристаллов.

Всех заключённых здесь демонов Дамианос знал достаточно хорошо, хотя лично приложил руку лишь к пленению короля и губернатора Загана. Туповатый «минотавр с крыльями» не доставил много проблем, просто оказался одним из первых, вставших на пути экспансии магов. Пришлось укоротить Загану крылышки и рога, чтобы не растить

вокруг поверженного владыки демонов слишком объёмный кристалл. Казалось, что приснопамятное сражение произошло столь давно, хотя по факту с того момента прошёл всего год...

Насыщенное битвами время всегда воспринимается иначе, чем время мирное. Близость смерти заставляет ценить каждую минуту, тогда как в праздности могут незаметно проходить часы, сутки, недели и месяцы. Парадокс, но война, отнимая жизни одних, субъективно удлиняет жизнь тех, кто на войне сумел выжить. Пожалуй, время вообще самая относительная вещь во Вселенной. И при этом времени никогда на всё не хватает...

Как не хватило времени главному двоедушнику Гильдии Солнца, чтобы укрыться от преследователей не только в мире людей, но также в Аду. Филандера пленили буквально за несколько минут до того, как начался сдвиг пространства, с помощью которого двоедушник рассчитывал опуститься на уровень ниже. Герцог Астарот дал тогда на счёт местонахождения «мотылька» чрезвычайно точное предсказание.

Филандер действительно напоминал огромного мотылька — у двоедушников разных гильдий в Аду были разные формы. Это благодаря многовековому доминированию Гильдии Мучений бытовал стереотип, что все двоедушники в Аду — пауки, на самом деле маг в коконе мог сформировать для второй части души практически любую форму. Ограничение действовало лишь в части размеров, которые не должны бы-

ли быть слишком огромными или маленькими. Увы, материализовать тушу, подобную маркизу Форнеусу, было нельзя.

В отличие от остальных кристаллов в фургоне, кристалл вокруг главного двоедушника не сомкнулся вокруг пленника полностью. Кристаллическая структура охватывала туловище, отрезанные крылышки и большую часть головы мотылька, но для усиков и хоботка были оставлены дыры, чтобы двоедушник мог хотя бы отчасти взаимодействовать с внешним миром. Это было не очень хорошо с точки зрения безопасности, но позволяло общаться с Филандером напрямую без телепатии.

Не то чтобы телепатия в Аду была какой-то особой проблемой сама по себе, однако ввиду присутствия рядом других владык демонов существовал немалый риск вмешательства в ментальное общение посторонних. Как ни крути, могучие твари пребывали внутри своих кристаллов в сознании, и делать им было ну совершенно нечего — как не воспользоваться случаем хоть немного нагадить обидчикам? Из-за охранных сигиллов воздействовать на чужую волю они не могли, зато устроить ментальную какофонию — это запросто. Попробуй обсуди важную тему, когда на тебя со всех сторон обрушиваются образы всяких мерзостей.

Вот через толщу кристаллов обездвиженные демоны точно ничего сказать не могли. Так что из нескольких зол: держать кристалл с Филандером в отдельном фургоне с отдельным сторожем, терпеть выходки демонов при использова-

нии телепатии или оставить двоедушнику небольшую связь с внешним миром — Дамианос выбрал последнее.

— Давненько ты не приходил, Дамианос, — безошибочно распознав присутствие посетителя, прогудел через хоботок мотылёк.

Из-за особенностей ротового отверстия и давящего на него со всех сторон кристалла, голос Филандера действительно скорее напоминал гул, нежели человеческую речь. Дамианосу всегда приходилось прилагать усилие, чтобы распознать в этих звуках отдельные слова, но зато и подслушивания можно было не опасаться. Встав напротив кристалла двоедушника, Дамианос некоторое время вникал в смысл только что услышанных звуков.

Затем, настроившись на звучание хоботка, он ответил, обращаясь к торчащим из кристаллической тюрьмы усикам:

— Я же предупреждал, что буду лично руководить сражением с маркизом Форнеусом. Слишком масштабная операция, чтобы можно было делегировать кому-то ответственность. Было не до бесед последние три недели...

Вот так без всяких приветствий и начинали они всегда диалог. Не то чтобы двое мужчин испытывали друг к другу особую неприязнь, просто и друзьями они точно не были. Глава магов и последний двоедушник Гильдии Солнца общались, поскольку казались друг другу полезными. Обоих интересовали факты, стратегические перспективы и предположения по поводу действий врагов и союзников, а вовсе не

самочувствие или настроение собеседника.

— Полагаю, последний владыка демонов на этом слое бытия пал?

— Конечно, — без какой-либо гордости подтвердил Дамианос. — Правда, в этом сражении погибло два десятка наших волшебников, так что успехом я это мероприятие назвать не могу.

Из последующих слов было трудно понять, сочувствует Филандер покорителям Ада либо злорадствует:

— Что делать, успех не может сопутствовать тебе всегда и во всём, Дамианос. Вам и так удалось подчинить первый слой очень быстро. Не бывает большой войны без потерь. Хотя ребят отчасти жалко. Вместо столь желанного бессмертия потерять свои жизни не где-нибудь, а прямо в Аду... Едва ли они спускались сюда ради этого.

Дамианос не стал гадать, что именно вкладывал Филандер в своё замечание. Его вообще мало интересовали чьи-либо симпатии и уж тем более сантименты. Важно было, может что-нибудь предложить собеседник или нет. И если всё-таки может, то следовало именно на этом сосредоточиться, отбросив всё остальное.

— Не всякому дано получить желаемое. Маги прекрасно знали, что попадут во плоти в Ад, а не на благословенные Небеса. Как и должны были они понимать, что здесь им будут не рады, — Дамианос сожалел о потерях, но не потому, что переживал за погибших, а потому что потери ослабляли

волшебников в целом. — Однако хватит об этом. Мёртвых всё равно не вернуть. Что там с пока ещё живыми людьми наверху?

Наречие «пока ещё» не было оговоркой. Дамианос и в самом деле полагал, что подавляющему большинству людей жить оставалось недолго.

Без защиты волшебников, с прущими через их мирок демонами и ангелами человеческие цивилизации неизбежно придут в упадок. Возможно, фанатики из Ксерсии продержатся чуть дольше разорённой войной и жертвоприношениями Магократии, но именно что чуть-чуть. Всякая государственность вскоре будет разрушена, останутся лишь разрозненные горстки людей. А чем занимаются разрозненные группы в условиях нехватки ресурсов — было очевидно любому, кто хоть немного знает историю.

— Ты правда хочешь знать, что происходит с людьми наверху, Дамианос? — прогудело существо из кристалла. Дамианос не мог объяснить каким образом, но прямо чувствовал в этом гудении скепсис. — С людьми то же самое, что обычно. Рвут друг другу глотки в попытке урвать кусок хлеба у ближнего. А уж чем именно такая борьба вместо взаимопомощи оправдывается — значения не имеет. Я уже год пытаюсь их хоть немного сплотить, но всё без толку.

Дамианос с самого начала был уверен в тщетности попыток Филандера что-то организовать в верхнем мире. Люди есть люди. Они понимают лишь силу, а у закутанного в ко-

кон древнего тела её точно не было.

— Вообще-то, меня больше интересуют те, кто людьми только лишь притворяются, — не стал ходить вокруг да около Дамианос. — Спустившиеся с Небес ангелы или — как ты их называешь? — «одевшие земные одежды». Насколько их материализация близка к завершению?

Вот это было действительно важно, поскольку позволяло понять, сколько магам отведено времени на завоевание Ада. Как только ангелы достаточно «отяготятся грехом», они отправятся изгонять демонов из их исконной обители. И тогда придётся прятаться уже магам...

Из хоботка мотылька снова полились заунывные звуки:

— Я не специалист по ангелам, Дамианос. Но я скажу тебе, что доносят до меня мои подопечные...

Последовала многозначительная пауза. Филандер не отличался актёрским талантом, но базовые ораторские навыки у него, как и у всех сильных мира сего, конечно же, были.

— Ангелы... окончательно пали.

Дамианос терпеть не мог подобный пафос:

— Насколько низко? — уточнил он с нескрываемым раздражением.

— Настолько это вообще возможно в мире людей, — грустно ответил Филандер. — Они жадно вкушают все доступные наслаждения, хоть в гибнущем мире тех осталось немного. Они не гнушаются проливать кровь, хотя на фоне царящей анархии это не выглядит чем-то особенным. Они

распространяют болезни и даже чуму. И наконец, они всячески стараются подчинить окружающих, незаметно ломая их волю — ту самую свободную волю, которой так гордятся фанатики в Ксерсии, молящиеся Свету Небес. Ангелы ведут себя почти что как люди...

Этого-то Дамианос и опасался.

Он знал, что магам не дадут много времени на покорение Ада, но не думал, что времени будет настолько в обрез. Вот уж действительно недолгое «бессмертие». Вот уж и правда короткая «вечность»...

Пора было начинать подготовку вторжения на второй уровень преисподних.

Ещё бы избавиться от бьющего исподтишка Сатасфера, чтобы не беспокоиться хотя бы за тыл с беременными ведьмами и пленёнными демонами... Ведь без надёжного тыла любая война заранее обречена на провал.

Оставалось надеяться, что предсказание Астарота окажется точным.

Глава 4. Предатель предателей

*Смерть! где твой жало?! Ад! где твоя победа?!
Иоанн Златоуст*

Ад, первый слой

За его спиной головы на копьях.

Головы, готовые убивать по его первой команде.

Головы, не задумывающиеся над тем, какой вред они нанесут и кому именно.

Головы, для которых главным и единственным смыслом жизни стало продление своего никчёмного существования.

Ибо даже в Аду голова не может существовать отдельно от тела.

Сатасфер не мог напасть на магов в момент, когда те были наиболее уязвимы. Не мог помочь маркизу Форнеусу, не нарушив тонкого вселенского равновесия. Он был вынужден сдерживать свою силу, чтобы эта сила не подвела его в действительно важный момент.

Сила, обрекающая на бессилие — что за ирония? Но когда сила выходит за определённые рамки, на неё начинают действовать ограничения, неочевидные ранее. Сильный не может позволить себе применять силу, когда ему вздумается.

Сатасферу пришлось выждать достаточно много времени, чтобы вновь получить право напасть. И теперь он собирался воспользоваться открывшейся возможностью, натравив своих слуг на очередной опорный пункт магов.

Он знал, что колдуны уже начали подготовку к вторжению на следующий уровень Ада. Знал, но чувствовал, что не может им существенно помешать из-за наложенных на него Вселенной ограничений. Однако Сатасфер понимал, что и маленькие уколы могут заставить рядовых волшебников излишне беспокоиться за свою спину, а от напрасного беспокойства до поражения, возможно, и не один шаг, но достаточно близко.

Остальные владыки демонов часто осуждали Сатасфера за его мелочность. Мол, Правитель Ада, пусть этот титул уже давно считался формальностью, должен решать глобальные вопросы, а не заниматься всякими пустяками, которые можно перепоручить любому демону среднего ранга. Что настоящий владыка должен то-то и этакое, что странствовать ниже его достоинства, что нужно сидеть на жопе ровно и просто повелевать.

Ах, если бы всё было так просто.

Приказал, и всё в точности выполнили. Повелел и сразу получил всё желаемое. Собрал информацию, принял решение, и оно для всех стало законом. Так на самом высоком уровне иерархии никогда ничего не работало.

Приказы обычно исполнялись абы как, даже если удава-

лось приставить наблюдателя к каждому исполнителю. Вместо желаемого владыка получал лишь доступное, а усилия, прикладываемые к тому, чтобы всё-таки получить то, чего хочешь, оказывались порой непропорциональны результатам настолько, что лучше было бы ничего не желать. Сбор нужных сведений вообще был головной болью любого правителя, ибо наверх иерархической лестницы старались докладывать не факты, а ложь, приятную уху начальника. Про законы можно было тоже не говорить: их чаще нарушали, чем соблюдали, ведь каждый в Аду считал себя самым умным — особенно если в свою очередь повелевал другими разумными или хотя бы полумразумными тварями.

Нет, лучшим способом не потерять хватку была такая вот «мелочность»: самому везде ходить, самому всё подслушивать, самому изредка что-то незначительно корректировать. Тонкая манипуляция судьбами, настроениями, совершенно незаметная поначалу, давала со временем колоссальный эффект. Сатасферу не просто подчинялись, его волю выполняли, сами того не осознавая, тысячи демонов. За эпохи он научился очень хорошо чувствовать точки, на которые следует нажимать, чтобы при минимальных усилиях получить максимум выгоды.

И одной из таких болевых точек, безусловно, было ощущение надёжного тыла. Стоит эту уверенность хоть немножечко пошатнуть, и сражаться без оглядки будут лишь самые отчаянные. А по-настоящему отчаянных, как и по-на-

стоящему умных, что среди демонов, что среди людей не так много.

И если насчёт ума магов Сатасфер был довольно высокого мнения, то отчаянных среди них он насчитал едва ли на пару десятков.

Волшебники были не из тех, кто готов идти на рожон.

А значит, любое сомнение будет сказываться на них особенно сильно.

За его спиной головы на копьях.

Головы трепещут, чувствуя, что вот-вот отправятся в бой.

Они не боятся, скорее им не терпится вновь ощутить свою силу.

Ведь только во время сражения они ненадолго получают свободу и ощущение собственного превосходства над окружающими.

Только во время битвы головы живы по-настоящему, поэтому они искренне рвутся в бой.

За его спиной висит пять копий.

Уже без голов, которые летят по направлению к ничем не примечательной башне.

Одной из многих, которые волшебники возвели для контроля над территориями.

Головы абсолютно уверены если не в лёгкой, то в гарантированной победе.

Ведь они проворачивали подобное нападение уже не раз и не два, а потому не особенно осторожничают.

Головы магов не ждут неприятных сюрпризов.

И за это им предстоит заплатить воистину высокую цену...

Заметить пять летящих голов было непросто, но тем не менее их заметили, причём быстро. И заметил их не наблюдатель на башне, который в этот момент смотрел в противоположную сторону, а некто невидимый.

Этот некто явно был очень хорошо подготовленным, да и, скорее всего, он был не один, поскольку последующие события произошли больно уж слаженно. Все ставни в башне сразу захлопнулись, а вершину строения окутал волшебный туман.

— Проклятый предатель, — прошипел Сатасфер, сразу поняв причину такой подготовленности.

Головы продолжили лететь к своей цели, но их улыбки в предвкушении лёгкой победы сменились на гримасы отчаяния. Предстояла не расправа над застигнутым врасплох магом, а серьёзная битва. С совершенно непонятным числом оппонентов...

Из тумана на крыше башни навстречу головам метнулась сверкающая серебром огромная сеть. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что она очень острая.

Это было одно из новых заклинаний, вошедших в арсенал

волшебников после Великого Переселения в Ад. Прекрасно зная, как быстро возрождаются здесь демоны с грешниками, волшебники стремились не просто уничтожить, а максимально дезинтегрировать обитателей преисподних. Без «косяка» — или основы тела — перерождение происходило существенно медленнее.

Сжечь дотла и развеять прах было эффективнее, чем «все-го лишь» обуглить противника. Расчленив на сотни мелких кусочков выгоднее, чем отрубить ту же голову или пронзить чёрное сердце. Но лучше всего было, конечно, захватить вражеское тело или душу в плен.

Вот только захватить и содержать в плену чей-то дух было не так просто, да и летящие к башне головы, в отличие от демонов и грешников, переродиться в прежнем виде уже не могли. Их достаточно было добить, чтобы лишиться возможности колдовать. Ведь всем известно, что маги после смерти хотя и не теряют свой дар, но использовать его полноценно не могут. Стираются воспоминания о приобретённых через суровое обучение навыков, да и концентрации уже не хватает. Против отрубленных, но сохранивших разум голов любые средства, что называется, хороши.

Однако у вылетевшей навстречу головам бритвенно-острой сети было одно неоспоримое преимущество: оно охватывало довольно обширную площадь. Попасть такой сетью по небольшой и быстро летящей голове было значительно проще, чем каким-нибудь огненным шаром или молнией.

Сразу две головы из пяти были рассечены первым же заклинанием защитников-магов.

Оставшиеся три головы разлетелись в разные стороны и лишь затем обрушили на башню свои заклинания. Яростные чары, что должны были крушить не то что плоть, а сам камень. Должны были, однако исчезли в волшебном тумане, накрывшем вершину башни, не причинив, похоже, вообще никакого вреда защищавшимся чародеям.

Из тумана вылетели новые серебристые сети, но головы были теперь наготове и ловко пикировали, избегая контакта. Три головы принялись кружить вокруг башни, извергая заклинания и проклятия. Но и колдовство, и злые слова по-прежнему абсорбировало накрывшее башню облако. Не очень похоже на типичную битву волшебников, когда одна сила заметно влияла на силу противостоящую. Либо башню защищали особо мощные обереги, либо в тумане пряталась сразу куча волшебников. Сатасфер едва сдерживался от того, чтобы не вмешаться в сражение напрямую.

Он даже попытался телепатически приказать головам отступить, но то ли в пылу сражения те его не услышали, то ли из-за бушующих потоков энергии его сообщение просто-напросто не дошло. В конце концов, телепатия никогда не отличалась надёжностью, иначе все только бы ею и пользовались. Головы продолжили маневрировать, направляя на башню разрушительные чары, которые, казалось, бесследно растворяются в густом сером облаке...

Всё новые и новые бритвенно-острые сети появлялись словно из ниоткуда, иногда одна под другой, так что уворачиваться от них становилось всё тяжелее. Это был вопрос времени, когда следующая голова рассыплется кровавыми ошмётками, так что требовалось срочно что-то менять.

К счастью, головы на то и были головами, что у них имелись мозги. Вместо того чтобы снова и снова атаковать прячущихся в тумане волшебников, головы снизились почти до самой земли, откуда стали крушить не вершину, а подножие башни. Там по крайней мере было заметно, как ослабевают защитные обереги на стенах. А уж когда от защитных чар ничего не останется, башня рухнет вместе со всем своим проклятым туманом и магами наверху.

Летающие головы маневрировали меж многочисленных валунов, иногда замирая в тени, после чего резко перелетая к следующему камню побольше. Учитывая скромные размеры воскрешённых Сатасфером тварей, укрытий на скалистой почве было для них предостаточно. Броски бритвенно-острых сетей резко утратили свою эффективность. Казалось, что чаша весов качнулась-таки на сторону атакующих.

Однако перевес возник ненадолго. Как только защитные чары в подножии башни начали давать слабину, предвкушение триумфа обернулось для оставшихся трёх голов катастрофой. Ведь у магов на крыше башни тоже имелись отнюдь не глупые головы и поняв, что попасть сетями по быстро движущимся меж валунов точкам сложно, те применили

новые заклинания. А также использовали грубую, но вполне себе полезную силу.

Тёмная область за валуном, которую одна из голов приняла за тень, оказалась ловушкой — областью с «вязким воздухом». Движение головы на несколько секунд заметно замедлилось, благодаря чему она стала лёгкой мишенью. Выросший прямо из-под земли шип пронзил её под нижнюю челюсть, выйдя наружу в районе темени. Сознание в таком пробитом черепе не могло удержаться несмотря на всю чудо-магию Сатасфера.

Вторую голову тоже погубила надежда на валуны, причём один такой валун погубил её в прямом смысле. Кто-то на вершине башни здраво рассудил, что нет смысла целиться в маленькую подвижную голову, когда можно разбить на части большой неподвижный валун и уже его осколками поразить настоящую цель. Толстая молния угодила в камень как раз в тот момент, когда рядом с ним пролетала увлечённая разрушением защитных чар голова. Посечённая осколками, она, словно пьяная, завихляла, после чего угодила-таки в прицельно брошенную сверху бритвенно-острую сеть. Кусочки мозгов и костей образовали аккуратную лужицу на сухой почве Ада.

А последнюю голову поразили самые обычные стрелы. Ставни башни внезапно распахнулись, и тщательно отобранные среди грешников лучники проявили своё былое мастерство. Как правило, воины из грешников были крайне посред-

ственные, но из недавно погибших всё же можно было кого-нибудь толкового при желании отыскать. Одна из стрел царапнула голове правое ухо, но другая попала прямо в яблочко, то есть в глаз.

Такая бесславная смерть даже не от обычного смертного, а от смертного уже дохлого...

Впрочем, смерть есть смерть, и самому умершему не так важно, отчего именно он в конце концов помер. Важным было то, что для пленённых голов это действительно был конец. Финальная смерть без возможности воскрешения сознания, которым все столь дорожили.

Однако едва ли кто-нибудь станет горевать по пяти окончательно умершим магам: для своих бывших товарищей они и так давно были мёртвыми, а для Сатасфера это была лишь потеря полезного инструмента. Ничего, найдёт головы другие — поумнее и посильнее. Жаль только, что поисками придётся заниматься уже на более глубоком уровне Ада.

Сатасфер закрыл глаза, настраиваясь на перемещение сквозь пространство. Внутри него всё ещё бушевала ярость по поводу столь грубого предательства Астарота. Нет, то, что герцог перешёл на сторону волшебников, Сатасфер знал давно, но то, что Астарот станет давать настолько конкретные предсказания, стало для Правителя Ада неприятной неожиданностью.

Герцог Астарот всегда славился своей осторожностью, ведь он, как никто другой, знал, насколько переменчиво бу-

дущее. Точное предсказание могло нарушить тонкий баланс, повернув историю в иное русло. А это могло, в свою очередь, серьёзно аукнуться по самому предсказателю в будущем, которое он своим грубым вмешательством изменил. Либо Астарот совсем потерял хватку, либо прозрел нечто настолько фатальное, что любые осторожности потеряли для него всякий смысл. Он не просто предвидел победу волшебников или ангелов, он знал, что всё мироздание перевернётся вверх дном.

Очень плохо.

Особенно если учесть, что Книга герцога Данталиона тоже не сулила демонам ничего доброго. Наступала эпоха расплаты за «предательство Творца» — так называли порою обитель всех демонов, то есть Ад...

Таким образом, получалось, что один предатель предал предателей других — возможно, за такое даже не последует расплата от вселенских сил, поддерживающих в мироздании равновесие. Вполне себе даже возможно.

Однако расплата может прийти не только от Вселенной, но и от правителей демонов. Герцогу Астароту не следовало об этом столь опрометчиво забывать.

Сатасфер очень не любил, когда его предавали.

И те, кто предал «главного предателя», обычно жили недолго.

Глава 5. В плену света и тьмы

*О, как ты погран, жалкий род людской!
Как низко пал! Зачем ты сохранён?
Уж лучше б не родился ты!
Джон Мильтон, «Потерянный Рай»*

Магократия

Темнота.

Глухота.

Немота.

Теснота.

Та часть души Филандера, что осталась когда-то в мире людей, давно привыкла испытывать подобные ощущения. Причём не одно из них, а все сразу.

Его глаза не видели, уши не слышали, рот не открывался, всё тело было плотно окутано коконом. Не самая завидная участь.

Однако раньше вторая часть его души сполна компенсировала подобные неудобства, будучи почти безгранично свободой. В Аду Филандер мог не просто видеть, слышать, говорить и перемещаться, куда ему вздумается, в Аду Филандер запросто мог летать! Он бороздил оранжевые небеса, пребывая в уверенности, что на гигантского мотылька никто не набросится. А если и набросится, то горько пожалеет об этом.

Увы, эта отдушина для него, похоже, закончилась навсегда.

Теперь Филандер был скован как в Аду, так и в мире людей — в мире, который с каждым днём всё больше напоминал собой Ад. Возможно, это даже хорошо, что всю информацию наверху двоедушник получал не напрямую, а опосредованно через мыслеобразы слуг — так он мог хотя бы немного абстрагироваться от происходящего вокруг ужаса. Мог тешить себя иллюзией, что все эти образы — просто сон...

К сожалению, пробуждение от этого «сна» означало для Филандера смерть, поэтому он не спешил просыпаться. Двоедушник проникал в сознание людей, находившихся рядом с его коконом, ковырялся в чужих воспоминаниях, аккуратно вкладывал в головы помощников свои мысли. Он знал, как подобное общение пугает неподготовленных людей, но, в конце концов, это было взаимовыгодное сотрудничество. Ни он без них, ни они без него в разверзшейся в Магократии преисподней просто не выжили бы.

Магическая война, устроенное победителями разграбление, пленение и массовое жертвоприношение граждан. Хаос после ухода магов из мира, а затем приход ангелов... Пережить подобные потрясения, следующие одно за другим, было сложно.

Если быть точным, ангелы пришли не после ухода магов, а одновременно с ним — просто поначалу их присутствие осталось для всех незамеченным. Бесплотные духи с

Небес чем-то напоминали бесов — им требовалась чужая телесная оболочка, чтобы начать взаимодействовать с физическим миром. Только если бесы свои оболочки достаточно быстро разрушали, то ангелы, напротив, преобразовывали тела, делая их невыносимо прекрасными.

К несчастью, внешняя красота была куда опаснее саморазрушения бесов. Людей, одержимых бесами, все инстинктивно боялись, а к одержимым ангелами тянулись словно к живительному теплу или свету.

Тянулись и обжигались, а то и сгорали дотла.

Филандер начинал постепенно догадываться о причине столь нетипичного для ангелов деструктивного поведения. Небесные сущности методично «отягощались грехом», но не потому, что иначе им был закрыт проход в Ад — вовсе нет. Они могли бы сразу проскочить туда через открытые в то время проломы реальности, минуя мир людей. Однако, чтобы прочно обосноваться в Аду, им требовались материальные оболочки, иначе сама природа ангелов постоянно тянула бы их обратно наверх.

Похоже, что бывшие небожители планировали переселиться на нижние слои реальности действительно надолго, если не навсегда. Это пугало Филандера куда больше, чем он кому-либо показывал. Ведь это говорило о том, что Свет Небес врёт или чего-то недоговаривает своим псам-волшебникам и ставшим святее всех святых двоедушникам. Назревала какая-то воистину вселенская катастрофа.

Филандер провёл в Аду достаточно много времени, чтобы понимать: никто от хорошей жизни на этих уровнях реальности находиться не станет. Он слышал легенды от владык демонов о том, что Ад был сотворён перволюдьми с одной-единственной целью — избежать забвения после смерти, предотвратить возвращение души в лоно Творца с соответствующей утратой всякой индивидуальности. Якобы именно из-за этого искажения Изначального Замысла пустота внутри Бога оказалась полностью изолированной от Создателя...

Ад был величайшей ошибкой, за которую перволюди заплатили страшную цену. Это место стало для всех наказанием, так зачем же кому-то стремиться надолго переселиться туда, да ещё и поглубже?

Да, исходя из слов Дамианоса, демонов собирались изгнать на Небеса, в мир людей, на худой конец просто на верхние слои Ада — не столь важно, лишь бы те оказались выше, а небесные создания ниже некой условной черты, разделяющей мироздание. Это требовалось для некоего мифического «размывания слоёв реальности», но подобному ничего толком не объяснявшему объяснению, Филандер чем дальше — тем верил всё меньше.

Можно испещрить Стены Мрака проломами реальности, но удерживать такие проломы открытыми достаточно долго был неспособен даже Свет Небес. Филандер внимательно следил за донесениями в период, когда маги своими жертвоприношениями протыкали мироздание по несколько раз за

месяц, но даже тогда было видно, что рана в ткани бытия зарастает максимум за день-два. Чтобы распределить божественную энергию, когда та хлынет в «пустоту внутри Бога», нужно нечто большее, чем недопроломы, «святые демоны» и «грешные ангелы».

Все играли под дудку Света Небес-Метабеса в некую большую игру, которую совершенно не понимали. А Филандер, который о чём-то догадывался, был беспомощен как котёнок...

Пленник в Аду, раб старой плоти в мире людей и далёкий от Небес, как мало кто из волшебников, в силу многовековых прегрешений. Что он мог сделать? Как мог повлиять на происходящее через жалких людишек, способных лишь постоянно прятаться и от всего убегать?

Да никак. Филандер мог лишь наблюдать за приближающимся Апокалипсисом, гадая, удастся ли ему стать свидетелем кульминации величайшей космической драмы, или он помрёт раньше.

Ему было интересно и страшно одновременно. Но поскольку любопытство всё ещё перевешивало, Филандер продолжал аккуратно направлять своих сподвижников к тому, чтобы выжить.

Как продолжал он докладывать обо всём Дамианосу, чтобы оставаться полезным в Аду. Ну, может и не совсем обо всём, но о многом.

Есть вещи, которые лучше до поры до времени держать

при себе.

Ибо факт, сказанный нужным людям и в нужное время, может оказаться для твоих противников куда опаснее любой лжи.

* * *

Ксерсия, Город Золотых Врат

— Вы — свет мира. Вы — избранники Небес. Вы — соль земли, потому что именно через вас на вашей земле свершится великое правосудие! — прекрасный юноша сделал широкий жест, будто обнимая толпу. — Благодаря вам демоны будут наказаны, а праведники вознесутся наверх! Ибо и вы, и отцы, и деды ваши следовали священному правилу: два ока за око, все зубы за зуб и того, кто ударит вас по правой щеке, лиши руки правой! Вы были безжалостны, и за это дарована вам честь вершить суд над демонами. Тварями нечестивыми, которые вот-вот должны явиться в наш мир.

Толпа внимала речам юноши с благоговением — его не просто любили и уважали, его боготворили, настолько тот был прекрасен. Прекрасен, умён и силен. Достойная замена Ахемениду, почившему при весьма загадочных обстоятельствах... Именно в таком верховном жреце, как этот новый пророк, нуждались в Ксерсии в эти беспокойные времена. Нуждались в таком истинном совершенстве.

Никто не мог точно сказать, когда и откуда этот юноша появился в Городе Золотых Врат. По легенде, он пришёл из Полей Костей, где сорок дней молился Свету Небес, чтобы очиститься от всей земной грязи. В результате подобного очищения юноша решил, что его прошлое больше не имеет значения, и ни разу о своём происхождении не обмолвился. Он говорил, что родился после своего поста заново и искренне желал всем пройти через подобный преображающий опыт.

Вот только на Полях Костей не то что молиться, там и просто продержаться сорок дней было практически невозможно. Несколько экспедиций из рьяных последователей юного пророка так и не вернулись из своих паломничеств, несмотря на тщательную подготовку и то, что они шли туда группой, а не в одиночку, как будущий царь жрецов.

Нет, перерождения в лучшем виде все, конечно, желали, однако повторить подвиг в том же виде, что и новоявленный пророк, не могли.

Есть те, кому дано больше, чем всем остальным. Много больше. И счастье для простых граждан, если подобные богоизбранные решили использовать свои дарования во благо общества, а не во благо себе.

— Вы слышали, что сказано: ненавидь врага твоего. А я говорю вам: врага недостаточно ненавидеть. Какой в этом подвиг? Какой врагу вред от вашей беспомощной ненависти? Итак, используйте свою жгучую ненависть для борьбы. Идите в своей вражде до конца, покуда не победите или не про-

играете. Ибо как нельзя запереть свет в закрытом сосуде, так и ненависть нельзя держать в себе — свет освещает, а ненависть греет только покуда они изливаются. Врага нужно бить со всей ненавистью, а не тихо про себя ненавидеть.

Проповеди юноши всегда были страстными. Он призывал граждан Ксерсии действовать, говорил, что без убийств во имя Света Небес вера мертва.

А чтобы паства не сомневалась, кто именно сегодня их враг, пророк называл людям имена их «заклятых врагов». От обозначенных им противников без всякого суда и следствия со всей возможной поспешностью избавлялись...

Мессия очищал свою паству, готовил к грядущей битве со злом. Все понимали, что это совершенно необходимо.

— Не творите милостыни, ибо так вы поощряете слабость. Не поститесь понапрасну, ибо так вы ослабляете своё тело. Не сдерживайте свою похоть, ибо на борьбу с похотью вы тратите больше сил, чем на борьбу с врагами рода людского. Посему говорю вам: не заботьтесь о святости вашей, не стремитесь делать всё правильно. Во времена грядущей войны всех со всеми благословлены будут не самые чистые, а самые отчаянные. Те, кто не побоится потерять всё, включая душу бессмертную. И не пытайтесь подражать моему посту сорокадневному в гиблых пустошах — такое очищение больше никому не доступно. Все, кто пытался следовать по моим стопам, сгнули. Отныне молитвой вашей станет резня, и кровь врагов да смоет ваши прежние прегрешения! Убив

сорок достойных противников, вы почувствуйте то же, что ощутил после сорока дней молитвы и я. Вы преобразитесь, став... ангелами. Да, став ангелами праведной ненависти!

Слово «ангел» употреблялось в последние дни очень часто. Многие называли ангелом самого юношу, а также девять его ближайших последователей — почти столь же прекрасных и юных. Правда, находились злые языки, называвшие пророка не просто ангелом, а Ангелом Мерзости, но за подобное сквернословие обычно быстро приходила расплата.

Жреческая каста, прореженная при загадочных обстоятельствах годовой давности, возрождалась, порой становясь даже куда сильнее прежнего. Ведь упомянутые девять боевых жрецов и пророк могли на ходу орудовать сразу двумя раздвоенными мечами — это ли не свидетельство благорасположения Света Небес?

Нет, определённо красота оратора-юноши не могла быть неправой. Ненависть не могла быть злом, раз вела к столь видимым чудесам. Логике пророка не всегда было просто понять, но сомневаться в правоте его суждений тоже было немыслимо. Прав тот, у кого больше прав, и юный мессия заслужил привилегию указывать гражданам Ксерсии направление.

Заслужил своим обаянием, своей силой и беспощадностью. А сомневающимся в пророке обычно очень доходчиво объясняли недопустимость колебаний в сии трудные времена...

Зло должно быть повержено, кем или чем бы это зло ни было. Любые сомнения должны быть отброшены, ибо какая это вера, если у вас есть сомнения? Критическое мышление — это порок, от которого верующие должны отказаться.

— Берегитесь лжепророков, которые призывают к вашему милосердию, к человечности. Знайте, они хотят вашей смерти! Ибо враги ваши жалеть вас не будут и не простят мягкосердечие ваше. Итак, если не хотите быть убитыми, убивайте сами. И пусть блаженными будут выжившие, ибо только они унаследуют землю.

Народ уже не дивился учению нового мессии. Они восприняли его, впитали в себя, став сильней и безжалостней. Граждане Ксерсии готовились к финальной битве со злом. И пусть только это зло попробует обвинить их в жестокости...

Юный пророк сошёл с помоста, за которыми светились золотом легендарные врата дворца-храма. Он не торопился возвращаться в обитель священнослужителей — юноша любил ходить среди толпы прихожан, нащёптывая людям в ухо персональные указания. Всегда шепча им в левое ухо...

Имя юноши было Идлис.

Впрочем, он имел и множество других имён, о которых люди просто не знали. Ведь это был один из самых усердных ангелов, спустившихся с Неба.

Спустившийся, чтобы повести за собой человечество против демонов.

Вот только вести не ради спасения рода людского, а для того чтобы погнать демонов ещё дальше вверх.

На Небеса, которые сами ангелы стремились покинуть.

Ибо имели для этого весьма веский повод...

Глава 6. Второе нисшествие

*Способен все препоны одолеть
Союз ума и силы.
Джон Мильтон, «Потерянный Рай»*

Ад, второй слой

Волшебники готовились к перемещению очень тщательно, но всё равно оно оказалось для всех неожиданным. Никто из собравшихся на относительно небольшой площади магов даже не шелохнулся, они просто оказались в нужное время в нужном месте — пространство сделало за них всё само.

Бац, и небо сменило цвет с оранжевого на тёмно-серый, словно день резко сменился ночью. Воздух стал холоднее, земля стала твёрже. Не было сомнений, что это был другой слой Ада — оставалось только надеяться, что этот слой нужный.

Свет Небес предупреждал Дамианоса, что чем ниже, тем сильнее реальность будет отличаться от привычной людям по их прежнему миру. Поэтому, несмотря на увеличение возможностей магии, торопиться не стоит. Лучше зачищать слой за слоем, постепенно привыкая к новым условиям, чем пытаться сразу отбить наиболее глубокое, и, соответственно, благоприятное место.

Вот только времени не то что на привыкание, но даже чтобы просто сориентироваться магам не дали. Какой бы это слой ни был, волшебникам предстояло сразу же вступить в бой. Ибо на них со всех сторон надвигалась огромная армия.

Это было совершенно непохоже на их первое нисшествие в Ад. Тогда волшебников встречали свои — двоедушники, а затем и спустившиеся ранее маги. Тогда всё было приготовлено к встрече желанных гостей, тогда в распоряжении магов имелась куча ресурсов...

Однако владыки демонов, видимо, не были уж совсем дураками, они сделали выводы из своего поражения слоём выше и недооценивать врагов больше не собирались. Собранные правителями Ада грешники и демоны сразу устремились в атаку. Никто не собирался ни о чём договариваться. Всё должна была решить сила, причём решить прямо здесь и сейчас.

Тысяча отобранных для вторжения волшебников, ютившихся на небольшом пяточке на расстоянии двух—трёх метров друг от друга, против армии, причём, скорее всего, не одной...

Дамианос невольно сжал зубы. Как же он злился на Свет Небес за то, что магам предоставили так мало времени на подготовку! Всего месяц после битвы с маркизом Форнеусом — смешной срок. За такое время не то что восполнить потери, даже отдохнуть толком не получилось. Из огня да в полымя или, если быть точным, из гноя в холодный и тёмный

Ад.

В отличие от него, другие волшебники не столько злились, сколько вжимали головы в плечи — разворачивающаяся перед ними картина была воистину ужасающей. От горизонта до горизонта пространство со всех сторон кишело врагами. Каким-то образом место их прибытия стало известно владыкам этого слоя реальности, «захватчики Ада» угодили прямо в капкан.

И если грешники и рядовые демоны пугали не сами по себе, а лишь своим невообразимым количеством, то выдвинувшийся вперёд адской армии владыка демонов внушал страх и омерзение физически излучаемой мощью.

Сидящий на громадном бескрылом драконе, который представлял бы большую опасность даже без всадника. Вооружённый длинным копьём, на котором развевалось сотворённое из пламени знамя. С тремя головами, лишь одна из которых была человеческой. Со змеиным хвостом, изрыгающим пламя... По-хорошему, против одного такого монстра стоило выдвинуть сотню опытных магов, вот только все понимали, что сейчас на счету каждый колдун. И что, скорее всего, владык демонов вокруг присутствует несколько, просто остальные не рвутся вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.